

АНДЖЕЛО.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ одномъ изъ городовъ Италии счастливой
Когда-то влъстноваъ предобрый, спарыі Дукъ,
Народа своего отецъ чадомъбивой,
Другъ мира, испины, художеспвъ и наукъ.
Но влъстъ верховная не терпилъ слабыхъ рукъ,
А добропѣтъ своей онъ слишкомъ предавался.
Народъ любилъ его, и вовсе не боялся.
Въ Судѣ его дремалъ карающїй Законъ
Какъ дряхлый звѣрь уже къ ловилъ неспособный.
Дукъ это чувствовалъ въ душѣ своей незлобной,
И часпо стѣноваъ. Самъ ясно видѣлъ онъ,
Что хуже дѣдушекъ съ дня на день были виуки,
Что грудь кормилицы ребенокъ ужъ кусаль,
Что провосудіе сидѣло сложа руки
И по носу его лѣнивый не щелкалъ.

II.

Нерѣдко добрый Дукъ, раскаянъемъ смущенный,
Хотѣлъ восстановить порядокъ упущенныи;
Но какъ? Зло явное, терпимое давно,
Молчаніемъ Суда уже дозволено,
И вдругъ его казнилъ совсѣмъ несправедливо
И спранныо было бы, потому-же особливо.
Кто первый самъ его попворспивомъ ободрялъ.
Что дѣлать? долго Дукъ терпѣлъ и размыслилъ,
Размысливъ наконецъ, рѣшился онъ на время
Предать инымъ рукамъ верховной власти бремя,
Чтобъ новый власпелинъ расправой новой могъ
Порядокъ вдругъ завесить и быть бы крупъ и спрогъ.

III.

Быть иѣклю Анджело, мужъ опытный, не новый
Въ искусствѣ власпевать, обычаемъ суровый,
Блѣднѣющій въ шрудахъ, ученыи и посѣтѣ,
За нравы спрогое прославленный вездѣ,
Спѣснившій весь себя оградою законной,
Съ нахмуреннымъ лицомъ и съ волей непреклонной,
Его-то спарый Дукъ намѣспникомъ нарекъ,
И въ ужасъ ополчилъ и милостью облекъ,
Неограниченны права ему вручая.

А самъ докучнаго вниманья избѣгая,
Съ народомъ не проспясь, іn сognito одинъ
Пустился спранствовашъ какъ древній Паладинъ.

IV.

Лиць иплько Анджело вспутилъ во управленье,
И все ипопчась другимъ порядкомъ потекло,
Пружины ржавыя опять пришли въ движенье,
Законы поднялись, хватая въ когни зло,
На полныхъ площадяхъ, безмолвныхъ опять боязни,
По пияницамъ пошли разыгрывашся казни,
И ухо спалъ себѣ почесывать народъ
И говорить: хе! да этопть ужъ не ипопть.

V.

Между Законами забытыми въ шту пору
Жестокій былъ одинъ: Законъ сей изрекаъ
Прелюбодѣю смерть. Такова приговору
Въ помъ городъ никто не помнилъ, не слыхалъ.
Угрюмыи Анджело въ громадѣ уложенія
Опрыти его, и въ спрахъ повѣсамъ городскимъ
Опять его на свѣтъ пустилъ для исполненія,
Сурово говоря помощникамъ своимъ:
«Пора намъ зло пугнуть. Въ балованномъ народѣ

Преобрелись привычки ужъ въ права,
И шмыгаютъ кругомъ Закона на свободѣ,
Какъ мыши около зѣвающаго льва.

Законъ не долженъ бытъ пужало изъ шряпицы,
На коемъ наконецъ уже садапся шпицы. »

V I.

Такъ Анджело на всѣхъ навель невольно дрожь
Ропали вообще, смѣялась молодежь,
И въ шушкахъ спротаго вельможи не щадила,
Межъ пѣмъ какъ вѣпрено надъ бездною скользила
И первый подъ топоръ беспечной головой
Попался Клавдіо, патрицій молодой,
Въ надеждѣ всю бѣду современемъ исправить
И не любовницу, супругу въ свѣтъ представить,
Джульетту нѣжную успѣть онъ обольстить,
И къ шаинствамъ любви безбрачной преклонить.
Но ихъ послѣдователей къ несчастью явны спали;
Младыхъ любовниковъ свидѣтели заспали,
Оставили въ судѣ взаимный ихъ позоръ,
И юношѣ прочли законный приговоръ.

V II.

Несчастный, выслушавъ жестокое рѣшенье,
Съ понижшей головой обратно шелъ въ тюрьму,

Невольно каждому внушая сожалѣнья
 И горько сѣптия. На встрѣчу вдругъ ему
 Попался Луціо, гуляка беззабоиной,
 Повѣса, вздорный враль, но малый доброхопной.
 Другъ молвилъ Клавдію, момо! не откажи:
 Сходи ты въ монастырь къ сестрѣ моей. Скажи,
 Что долженъ я на смерть идти; чтобъ поспѣшила
 Она спасти меня, друзей бы упросила,
 Иль даже бы пошла къ намѣшнику сама.
 Въ ней много, Луціо, искусства и ума,
 Богъ даъ ея рѣчамъ увѣрчивость и сладость
 Къ тому жъ и безъ рѣчей рыдающая младость
 Мягчитъ сердца людей. — Изволь! поговорю,
 Гуляка опѣчталъ, и самъ къ монастырю
 Топгчасъ отправился.

VIII.

Младая Изабела

Въ то время съ важною монахиней сидѣла.
 Поспричъся черезъ день она должна быма
 И разговоръ о томъ со старицей вела.
 Вдругъ Луціо звонилъ и входилъ. У рѣшетки
 Его привѣтствиуенъ, перебирая чепки
 Полузатворница: «Кого угодно вамъ?»

— Дѣвица (и судя по розовымъ щекамъ
 Увѣренъ я чпо вы дѣвица въ самомъ дѣлѣ)
 Нельзя-ли доложить прекрасной Изабелѣ,
 Чпо къ ней меня прислали ея несчастный братъ?
 — Несчастный?.. почему? что съ нимъ? скажите смою:
 Я Клавдіо сеспра. — Нѣть, право? очень радъ.
 Онъ кланяется вамъ сердечно. Вопль въ чемъ дѣло:
 Вашъ братъ въ тюрьмѣ. — За что? — За то, за чтобы я
 Благодарилъ его, красавица моя,
 И не было бъ ему иного наказанья.
 (Тупль онъ въ подробныя пуспился описанья,
 Немного жеспкія своею нагошой
 Для дѣвственныхъ ушей опшельницы младой,
 Но со вниманиемъ все выслушала дѣва
 Безъ припорныхъ причудъ спыдливости и гнѣва.
 Она чиста была душою какъ Эоиръ.
 Ея смущинъ не могъ невѣдомый ей міръ
 Свою суепой и праздными рѣчами.)
 Теперь, примолвиль онъ, оспалось лишь мольбами
 Вамъ пронуть Анджело, и вопль о чёмъ просилъ
 Васъ братецъ. Боже мой, дѣвица опвѣчала,
 Когда бъ опль словъ моихъ я пользы ожидала!...
 Но сомнѣваюся; во мнѣ не спанепть силъ....
 Сомнѣнья намъ враги, попль съ жаромъ возразилъ,

Насъ неудачею предатели спрашаютъ,
 И благо вѣрное доспать не допуштаютъ.
 Спутайще къ Анджело, и знайще онъ меня,
 Что если дѣвица, колѣна преклоня
 Передъ мужчиною и просить и рыдаетъ,
 Какъ Богъ онъ все даепъ, чего ни пожелаетъ.

IX.

Дѣвица, опросясь у матери честной
 Съ усерднымъ Луціо къ Вельможѣ поспѣшила,
 И на колѣна спавъ, смиренною мольбой
 За брана своего Намѣстника молила.
 Дѣвица, опѣчаль суроый человѣкъ,
 Спасти его нельзя; пивой бранъ свой отжилъ вѣкъ;
 Онъ долженъ умереть. Заплакавъ, Изабела
 Склонилась передъ нимъ и прочь идти хопѣла,
 Но добрый Луціо дѣвицу удержанъ;
 Не отспупайшесь такъ, онъ пихо ей сказалъ,
 Просипи вновь его; бросайшесь на колѣни,
 Хватайшся за плащъ, рыдайще; слезы, пѣни,
 Всѣ средспива женскаго искусства вы должны
 Теперь употребить. Вы слишкомъ холодны.
 Какъ будто рѣчь идентъ межъ вами про иголку.
 Конечно, если такъ, не будепть вѣрно толку.
 Не отставайше-же! еще!

X.

Она опять

Усердною мольбой спыдливо умолять
Жестокосердаго блюстителя Закона.

Повѣрь мнѣ, говорить, ни Царская корона,
Ни мѣчъ Намѣшника, ни бархатъ Суди,
Ни полководца жезль — всѣ почески сіи —
Земныхъ властиелей ничто не украшаєтъ
Какъ Милосердіе. Оно ихъ возвышаєтъ,
Когда бъ во власть пивою мой братъ бытъ облеченъ,
А ты бытъ Клавдіо; ты могъ бы пасть какъ онъ,
Но братъ бы не бытъ спирогъ какъ ты.

XI.

Ея укоромъ

Смущенъ бытъ Анджело. Сверкая мрачнымъ взоромъ,
Оспавъ меня, прошу, сказать онъ тихо ей;
Но дѣва скромная и жарче и смѣлѣй
Была часъ опть часу. Подумай, говорила,
Подумай, если топтъ, чья праведная сила
Прощаєтъ и цѣлишь, судиъ бы грѣшныхъ нась
Безъ милосердія; скажи: чпо было-бъ съ нами?
Подумай — и любви услышишь въ сердцѣ гласъ?
И милость иѣжная пивоими дхнешь успами,
И новый человѣкъ ты будешъ.

XII.

Онъ въ опивѣти:

Поди; твои мольбы пустая словъ упраша.
Не я, законъ казнишь. Спасши нельзя мнъ братца
И завтра онъ умретъ.

И з а в е л а.

Какъ завтра! чпо? нѣтъ, нѣтъ.

Онъ не гоповъ еще... подумай, въ самомъ дѣлѣ:
Ты знаешь, Государь, несчастный осуждень
За преступленіе, которое доселѣ
Прощалось каждому; поспраждентъ первый онъ.

А н д ж е л о.

Законъ не умираль, но быль лишь въ усыпленыи,
Теперь проснулся онъ.

И з а в е л а.

Будь милосердивъ!

А н д ж е л о.

Нельзя.

Попворсивашъ грѣху есть тоже преступленье,
Карай одного, спасаю многихъ я.

И з а в е л а.

Ты ль первый изречешь сей приговоръ ужасной?
И первый жеровою мой будеши братъ несчастной.

*

Нѣпъ, нѣпъ! будь милосердивъ. Ужель душа твоя
Совсѣмъ безвинная? спросись у неї: ужели
И мысли грѣшныя въ неї отъ роду не пытли?

ХІІІ.

Невольно онъ вздрогнулъ, поникнулъ головой
И прочь идти ходилъ. Она: поспой, поспой!
Послушай, воропись. Великими дарами
Я задарю тебѣ.... прими мои дары,
Они не суевны, но честны и добры,
И будешь ими пы. дѣлипсь съ небесами:
Я одарю тебѣ молитвами души
Предъ упреніей зарей въ полуночной тиши,
Молитвами любви, смиренія и мира,
Молитвами святыхъ угодныхъ небу дѣвъ
Въ уединеніи умершихъ ужъ для міра,
Живыхъ для Господа.

Смущенъ и присмирѣвъ,
Онъ ей свиданіе на завтра назначаепъ
И въ отдаленные покой поспѣшаепъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

І.

День цѣлый Анджело безмолвный и угрюмой,
Сидѣлъ, уединясь, обѣяпъ одною думой,
Однимъ желаніемъ; всю ночь не пронулъ сонъ
Успалыхъ вѣждъ его. «Что жъ это, мыслишь онъ,
Ужель ее люблю, когда хочу такъ сильно
Услышать вновь ее и взоръ мой уладить
Дѣвичьей прелестью? По ней грустить умильно
Душа.... или когда свяпова уловить
Захочеть бѣсь, тогда приманкою свяпю
И маниить онъ на крюкъ? Нескромной красою
Я не былъ опь роду къ соблазнамъ увлеченъ,
И чистой дѣвою пшеперь я побѣжденъ.
Влюбленный человѣкъ доселѣ мнѣ казался
Смѣшнымъ, и я его безумству удивлялся.
А нынѣ!....»

II.

Размыслишь, молишься хочешь онъ,
 Но мыслишь, молишься разсѣянно. Словами
 Онъ небу говоришь, а волей и мечтами
 Спремися къ ней одной. Въ унынѣ погруженъ,
 Успами праздными вращаешь онъ имя Бога,
 А въ сердцѣ грѣхъ кипѣлъ. Душевная превога
 Его осимила. Правленье для него,
 Какъ дѣльная, давно запверженная книга,
 Несноснымъ сдѣлалось. Скучаль онъ; какъ опѣ ига
 Опречься быть гоповъ опѣ сана своего;
 А важность мудрую, которой споль гордился,
 Которой весь народъ безсмысленно дивился,
 Цѣнилъ онъ ни во что и сравнивалъ съ первомъ
 Носимымъ въ воздухѣ лепучимъ вѣтеркомъ.

 Поупру къ Анджело явилась Изабела
 И спранный разговоръ съ Намѣспникомъ имѣла.

III.**А н д ж е л о.**

Что скажешь?

И з а б е л а.

Волю я свою пришла узнать.

А н д ж е л о.

Ахъ, если бы ее могла ты угадать! . . .
Твой братъ не долженъ жить . . . а могъ бы.

И з а б е л а.

Почему-же
Простить нельзя его?

А н д ж е л о.

Простить? что въ мірѣ хуже
Спомъ гнуснаго грѣха? Убийство легче.

И з а б е л а.

Да,
Такъ судяще въ небесахъ, но на землѣ, когда?

А н д ж е л о.

Ты думаешь? шакъ вонъ тебѣ предположенье:
Что если бъ отдали тебя на разрѣшенье
Оставилъ брата влечь ко плахѣ на убой,
Иль искупить его, пожерпновавъ собой
И плопъ предавъ грѣху?

И з а б е л а.

Скорѣе чѣмъ душою
Я плопью жерпновать голова.

А и д ж е л о.

Я съ тобою

Теперь не о душѣ полкую дѣло въ помь:
Бранть осужденъ на казнь; его спаси грѣхомъ
Не милосердіе-ль?

И з а б е л а.

Предъ Богомъ я гопова

Душою опѣчашъ: грѣха въ помь никакова,
Повѣрь, и иѣть. Спаси ты бранта моего!
Тупъ милоспѣшъ, а не грѣхъ.

А и д ж е л о.

Спасешь-ли ты его

Коль милость на вѣсахъ равно съ грѣхомъ потянетъ?

И з а б е л а.

О пусть моимъ грѣхомъ спасенье брата станетъ!
(Коль только эпо грѣхъ.) О помь гопова я
Молишься день и ночь.

А и д ж е л о.

Нѣть, выслушай меня,

Или ты словъ моихъ совсѣмъ не понимаешь,
Или понять меня нарочно избѣгаешь,
Я проще изъясняюсь: пивой бранть приговоренъ.

И з а б е л а.

Такъ.

А н д ж е л о.

Смерть изрекъ ему рѣшильно Законъ.

И з а б е л а.

Такъ точно.

А н д ж е л о.

Средство есть одно къ его спасенью.

(Все это клонится къ тому предположению,
И только есть вопросъ и больше ничего.)
Положимъ: попытъ, чтобъ могъ одинъ спасти его,
(Наперстникъ Суди, или самъ по сану властный
Законы полковать, мягчить ихъ смыслъ ужасный)
Къ тебѣ желаньемъ былъ преступнымъ воспаленъ,
И пребовалъ, чтобъ ты казнь брата искупила
Своимъ паденьемъ; не то — рѣшилъ Законъ.
Что скажешь? какъ бы ты въ умѣ своемъ рѣшила?

И з а б е л а.

Для брата, для себя рѣшилась бы скорѣй,
Повѣрь, какъ яхонты носить рубцы бичей
И лечь въ кровавый гробъ спокойно какъ на ложе,
Чѣмъ осквернишь себя.

А н д ж е л о.

Твой братъ умретъ.

И з а в е л а.

Такъ чпо- же?

Онъ лучшій путь себѣ конечно изберетъ.
Безчестіемъ сестры души онъ не спасеть.
Брапть лучше разъ умри, чѣмъ гибнуть мнѣ навѣчно.

А и д ж е л о.

За чпо-жъ казалося тебѣ безчеловѣчно
Рѣшеніе суда? Ты обвиняла насъ
Въ жеспокосердіи. Давно ль еще? Сей часъ
Ты праведный Законъ шираномъ называла,
А брапній грѣхъ едва ль не шупкой почипала.

И з а в е л а.

Проспи, проспи меня, Невольно я душой
Тогда лукавила. Увы! себѣ самой
Пропивурѣчила я милое спасая,
И ненавистное припвorno извиняя.
Мы слабы.

А и д ж е л о.

Я пвоимъ признаньемъ ободренъ.

Такъ женщина слаба, я въ эпомъ убѣждень
И говорю тебѣ: будь женщина, не болѣ —
Иль будешь ничего. Такъ покорися волѣ
Судьбы своей.

И з а б е л а.

Тебя я не могу понять.

А н д ж е л о.

Поймешь: люблю тебя.

И з а б е л а.

Увы! что мнѣ сказать?

Джульету братъ любилъ, и онъ умреть, несчастный.

А н д ж е л о.

Люби меня, и живъ онъ будешьъ.

И з а б е л а.

Знаю: власпинъ

Испытывать другихъ, ты хочешь

А н д ж е л о.

Нѣпть, клянусь,

Опѣ слова моего теперъ не опопрусь;

Клянуся чеспію.

И з а б е л а.

О много, много чеспи!

И дѣло чеспное! . . . Обманщикъ! Демонъ лести
Сей часъ мнѣ Клавдіо свободу подпиши,
Или поступокъ твой и черноту души
Я всюду разглашу — и полю лицемѣрии
Тебѣ передъ людьми.

А н д ж е л о.

И кто же спасти върить?

По спроцости моей извѣстенъ свѣту я;
 Молва всеобщая, мой санъ, вся жизнь моя
 И самый приговоръ надъ братней головою
 Представиши пвой доносъ безумной клеветою.
 Теперь я волю да спремлѣнію спрасшай.
 Подумай и смирись предъ волею моей;
 Брось эти глупости: и слезы, и моленья,
 И краску робкую. Опь смерти, опь мученья
 Тѣмъ братца не спасешь. Покорноспью одной
 Искушишь ты его опь плахи роковой.
 До завтра опь тебя я спащу ждать опѣши.
 И знай, что пвоего я не боюсь извѣща.
 Что хочешь говори, не пошатнуся я.
 Всю испину пвою низвергнишь ложь моя.

IV.

Сказалъ, и вышелъ вонъ, невинную девицу
 Оспавя въ ужасѣ. Поднявши къ небесамъ
 Молящій, ясный взоръ и чистую десницу,
 Отъ мерзостныхъ палать, спѣшивъ она въ темницу.
 Дверь опворилася ей; и братъ ея глазамъ
 Представился.

V.

Въ цѣпяхъ, въ уныніи глубокомъ,
 О свѣтскихъ радостяхъ спаралась не жалѣть,
 Еще надѣясь жить, готповясь умереть,
 Безмолвенье онъ сидѣлъ и съ нимъ въ плащѣ широкомъ
 Подъ чернымъ куколемъ съ Распятиемъ въ рукахъ
 Согбенный спаросплю бесѣдоватъ монахъ.
 Спарикъ доказывалъ спрадальцу молодому,
 Что смерть и бышѣ равны одна другому,
 Что здѣсь и памъ одна безсмертная душа
 И что подуинный міръ не споилъ ни гроша.
 Съ нимъ бѣдный Клавдіо печально соглашался,
 А въ сердцѣ милою Джюльеттой занимался.
 Опшельница вошла: миръ вамъ! — очнулся онъ
 И смотритъ на сестру, мгновенно оживлѣнъ.
 Опецъ мой, говорить монаху Изабела,
 Я съ братомъ говорить одна бы здѣсь хотѣла.
 Монахъ оставилъ ихъ.

VI.**К л а в д і о.**

Что жъ, милая сестра,
 Что скажешь?

И з а б е л а.

Милый братъ, пришла тобѣ пора.

К л а в д и о.

Такъ нѣтъ спасенья?

И з а в е л а.

Нѣтъ, иль развѣ поплатишься
Душой за голову?

К л а в д и о.

Такъ средство есть одно?

И з а в е л а.

Такъ, есть. Ты могъ бы жить. Судья готовъ смягчиться.
Въ немъ милосердіе бѣсовское: оно
Тебѣ даруетъ жизнь за узы муки вѣчной.

К л а в д и о.

Что? вѣчная тюрьма?

И з а в е л а.

Тюрьма — хопъ безъ оградъ,
Безъ цѣни.

К л а в д и о.

Изъяснись, чпо жъ эпо?

И з а в е л а.

Другъ сердечной,

Братъ милый! Я боюсь... Послушай, милый братъ,
Семь, восемь лишнихъ лѣтъ ужель тебѣ дороже
Всегдашней чести? Брапъ, боишься-ль умереть?
Чпо чувствио смерти? мигъ. И много-ли терпѣть?

Раздавленный червякъ при смерти перепилъ поже,
Что перепилъ великанъ.

К л а в д и о.

Сеспра! или я прусъ?

Или идти на смерть во мнѣ не спасти силы?
Повѣрь, безъ препятствія опять міра отрѣшусь,
Коль долженъ умереть; и вси прѣчу ночь могилы
Какъ дѣву милую.

И з а б е л а.

Вопль бранть мой! узнаю;

Изъ гроба слышу я опіцевскій голосъ. Точно:
Ты долженъ умереть; умри же безпорочно.
Послушай, ничего тебѣ не утаю:
Топть грозный Судія, святоша топть жестокой,
Чьи взоры спрогнозія во всѣхъ родятъ боязнь,
Чья избранная рѣчъ шлепть опроковъ на казнь,
Самъ Демонъ; сердце въ немъ черно какъ адъ глубокой
И полно мерзостию.

К л а в д и о.

Намѣстникъ?

И з а б е л а.

Адъ облекъ

Его въ свою броню. Лукавый человѣкъ!...

Ч. II.

14

Знай: если бъ я его беспыдное желанье
Рѣшилась уполнить, тогда бы могъ ты жить.

К л а в д і о.

О нѣпть, не надобно.

И з а в е л а.

На гнуспное свиданье,
Сказаль онъ, нынче въ ночь должна я поспѣшить,
Иль завпра ты умрешь.

К л а в д і о.

Нейди, сестра.

И з а в е л а.

Брапъ милой!

Богъ видипъ: ежели одной моей могилой
Могла бы я тебя опъ казни искупить,
Не спала бъ болѣе иголки дорожитъ
Я жизню моей.

К л а в д і о.

Благодарю, другъ милой!

И з а в е л а.

Такъ завпра, Клавдіо, ты къ смерти будъ готовъ.

К л а в д і о.

Да, такъ.... и страсти въ немъ кипятъ съ такою силой!
Для одного многовеня
Ужель себя сгубить рѣшился-бъ онъ навѣкъ?

Нѣть, я не думаю. Онъ умный человѣкъ.
Ахъ, Изабела!

И з а в е л а.

Что? что скажешь?

К л а в д и о.

Смерть ужасна!

И з а в е л а.

И спыдь ужасенъ.

К л а в д и о.

Такъ — однако жъ умереть,

Идти невѣдомо куда, во гробъ плыть
Въ холодной пѣсниотѣ . . . Увы! земля прекрасна
И жизнь мила. А пушь: войти въ нѣмую мглу,
Стремглавъ низвергнувшись въ кипящую смолу,
Или во льду застыть, иль съ вѣтромъ быстротечнымъ
Носиться въ пустотѣ, пространствомъ безконечнымъ..

.
•
•
•

И з а в е л а.

О Боже!

К л а в д и о.

Другъ ты мой! Сеспра! позволь мнѣ жить.

*

Ужъ если будесть грѣхъ спасши отъ смерти брата,
Природа извинитъ.

И з а в е л а .

Что смѣшь говоришь?

Трусь! поварь бездушная! отъ сесприна разврата
Себѣ ты жизни ждешь! . . . Кровосмѣситель! нѣть,
Я думать не могу, нельзя чтобъ жизнь и свѣтъ
Моимъ отцемъ тебѣ даны. Проспи мігъ, Боже!
Нѣть, осквернила мать отеческое ложе,
Коль понесла тебя. Умри. Когда бы я
Спасши тебя могла лишь волею мою,
То все таки бѣ теперь свершилась казнь твоя.
Я пысячу молитвъ за смерть твою имѣю,
За жизнь — ужъ ни одной.

К л а в д и о .

Сеспра, постай, постай!

Сеспра, прошпи меня!

VII.

И узникъ молодой

У держиваль ее за платье. Изабела
Отъ гнѣва своего насили охладѣла,
И брата бѣднаго проспила, и опять
Лаская, начала спрадальца успѣшать.

ЧАСТЬ ТРЕТИЯ.

II.

Монахъ стоялъ межъ шѣмъ за дверью опшертою
И слышалъ разговоръ межъ братомъ и сестрою.
Пора мнѣ вамъ сказать, что старый сей монахъ
Ни что иное бытъ, какъ Дукъ переодѣтый.
Пока народъ считалъ его въ чужихъ краяхъ
И сравнивалъ, шупя, съ бродящею кометой,
Скрывался онъ въ тюлѣ, все видѣль, наблюдалъ
И соглядапаешь незримымъ посѣщаль
Палаты, площади, монастыри, больницы,
Развратные дома, театры и племницы.
Воображеніе живое Дукъ имѣлъ;
Романы онъ любилъ, и можешь бытъ хопѣть
Халифу подражать Гаруну Аль — Рашиду.
Младой опшельницы подслушалъ весь разскѣзъ,
Въ разспроганиномъ умѣ рѣшилъ онъ попѣтъ же часъ
Не только наказать жестокоспѣ и обиду,
Но сладить кое-чпо . . . Онъ пихо въ дверь вошелъ
Дѣвицу опозвалъ и въ уголокъ опивель.

Я съышалъ все, сказаъ, ты похвалы достойна
Свой долгъ исполнила ты свято; но теперь
Предайся-жъ ты моимъ совѣтамъ. Будь покойна
Все къ лучшему придетъ; послушна будь и вѣрь.
Тупъ онъ ей объяснилъ свое предположенье
И далъ прощальное свое благословеніе.

II.

Друзья! повѣрите ль, чтобъ мрачное чело
Угрюмой, зло души печальное зерцало,
Желанья женскія на вѣки привязало
И нѣжной красопѣ понравиться могло?
Не чудно ли? Но пакъ. Сей Анджело надменный,
Сей злобный человѣкъ, сей грѣшникъ — быть любимъ
Душою нѣжною, печальной и смиренной,
Душой опровергненою мучителемъ своимъ.
Онъ былъ давно женатъ. Лепунья легокрима
Младой его жены молва не пощадила,
Безъ доказательства насмѣшило каря;
И онъ ее прогналъ, надменно говоря:
« Пускай себѣ молвы неправо обвиненіе,
« Нѣть нужды. Не должно коснуться подозрѣніе
« Къ супругѣ Кесаря. » Съ тѣхъ поръ она жила
Одна въ предместьи, печально изнывая.

Объ ией-то воспомнилъ Дукъ, и дѣва молодая
По наспавленію монаха къ ней пошла.

III.

Марьяна подъ окномъ за пряжею сидѣла
И тихо плакала. Какъ Ангель Изабела
Предъ ней нечаянно явилась у дверей.
Опшельница была давно знакома съ ней,
И часио упѣшапь несчастную ходила.
Монаха мысль она ей попчасъ объяснила.
Марьяна, только лишь наспанепъ ночи мгла,
Къ палатамъ Анджело идти должна была,
Въ саду съ нимъ вспрѣпиться подъ каменной оградой
И наградить его условленой наградой.
Чупъ вняпнымъ шопотомъ, прощаясь, шепнувъ
Лишь только шо: *теперь о братъ не забудь.*
Марьяна бѣдная сквозь слезы улыбалась
Гоповилась дрожа — и дѣва съ ней разспалась.

IV.

Всю ночь, въ тменицѣ Дукъ послѣдствій ожидалъ
И сидя съ Клавдіо, спрадальца упѣшалъ.
Предъ свѣтомъ снова къ нимъ явилась Изабела,
Всъ шло какъ надобно; сей часъ у ней сидѣла

Марьяна блѣдная, съ успѣхомъ возвращаясь,
 И мужа обманувъ. Денница занялась —
 Вдругъ запечатанный приказъ приноситъ вѣстникъ
 Начальнику тюремы. Читаютъ: что жъ? Намѣстникъ
 Немедля узника приказывалъ казнить
 И голову его въ палаты предъявилъ.

V.

Замыслилъ новую запѣю Дукъ представить
 Начальнику тюремы свой перстень и печать
 И казнь осудилъ, а къ Анджело отправить
 Другую голову, вѣзвъ обрить и снять
 Ее съ широкихъ плечь разбойника морского,
 Горячкой въ шумѣ ночь умершаго въ тюремѣ,
 А самъ отправился, дабы вѣльможу злова
 Спѣть гиусныя дѣла творящаго во пѣмѣ
 Предъ свѣтломъ обличить.

VI.

Едва молва невинно
 О казни Клавдіо успѣла пробѣжать,
 Пришла другая вѣспа. Узнали, что обратно
 Ко градуѣдетъ Дукъ. Народъ его встрѣчать

Толпами кинулся. И Анджело смущенный,
Грызомый совѣстю, предчувствуемъ спѣсненный,
Туда же поспѣшилъ. Улыбкой добрый Дукъ
Привѣтствуетъ народъ, пѣсняющійся вокругъ
И дружно къ Анджело пропагиваєтъ руку.
И вдругъ раздался крикъ — и прямо въ ноги Дуку
Дѣвица падаетъ Помилуй, Государь!
Ты щипть невинности, ты милости алтарь,
Помилуй! . . . — Анджело блѣдишеть и пропещеть
И взоры дикіе на Изабелу мещепть
Но побѣдилъ себя. Оправившись успѣвъ,
Она помѣщена, сказаль онъ, видѣвъ брампа
Приговоренного на смерть. Сія упрампа
Въ ией разумъ попрѣсла

Но обнаружа гнѣвъ

И долго скрытое въ душѣ негодованье,
Все знаю, молвиль Дукъ, все знаю! наконецъ
Злодѣйство на землѣ получить воздаянье.
Дѣвица, Анджело! за мною, во дворецъ!

VII.

У трона во дворцѣ спояла Маріана
И бѣдный Клавдіо. Злодѣй, увида ихъ
Запрепеталь, челомъ поникнулъ и утихъ;
Все объяснилося, и правда изъ шумана

Возникла; Дукъ тогда: что Анджело скажи,
 Чего доспоянъ ты? Безъ слезъ и безъ боязни
 Съ угрюмой пвердоспюю помпъ опвѣчаепъ: казни.
 И объ одномъ молю: скорѣе прикажи
 Веспи меня на смерть.

Иди, сказаи власшипель,

Да гибнепъ судія-торгашъ и обольстипель;
 Но бѣдная жена къ ногамъ его упавъ,
 Помилуй, молвила, ты мужа мнѣ опдавъ,
 Не опытай опять; не смѣйся надо мной.
 — Не я, но Анджело, смѣялся надъ тобою,
 Ей Дукъ опвѣспивуешь, но о твоей судьбѣ
 Самъ буду я пещрсь. Оспанулся тебѣ
 Его сокровища, и будешь ты награда
 Супругу лучшему. — Мнѣ лучшаго не надо.
 Помилуй, Государь! не будь неумолимъ,
 Твоя рука меня соединила съ нимъ!
 Ужели для того такъ долго я вдовѣла?
 Онъ человѣческву свою принесъ лишь дань.
 Сеспра! спаси меня! другъ милый Изабела!
 Проси ты за него, хопъ на колѣни спань,
 Хопъ руки подыми ты молча.

Изабела

Душой о грѣшникѣ, какъ Ангель, пожалѣла

И предъ Власпипелемъ колъна преклоня,
Помилуй, Государь, сказала. За меня
Не осуждай его. Онь, (сколько миѣ известно,
И какъ я думаю) жилъ праведно и честно,
Покамѣстъ на меня очей не успремиль.
Прости же ты его! »

И Дукъ его проспилъ.

Конецъ.

Продаётся въ книжномъ магазинѣ *А. Смирдина*,
по 20 руб. экземпляров.